

МРНТИ 03.61.91:03.41

М.С. Калдыбаев

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
(E-mail: nami-astana@mail.ru)

Антропоморфизм погребально-поминальных сооружений тюркских народов

Аннотация. Объектом исследования в настоящей статье являются погребально-поминальные сооружения тюркских народов средневековья и нового времени. Исследуется вопрос трансформации традиции сооружения древнетюркских антропоморфных скульптур. Древнетюркские каменные изваяния – довольно известный феномен, в настоящее время относительно хорошо изученный исследователями. Затронута проблема семантики древнетюркских антропоморфных изваяний (VI – IX вв.), кыпчакской скульптуры (X – XIII вв.). В более поздние периоды, под влиянием ислама, данная традиция перестает существовать. Цель работы – выявить возможные проявления данной традиции в позднем средневековье и в новом времени. В рамках поставленной цели проанализированы некоторые типы сооружений казахов, кыргызов, сибирских татар. В частности, казахские кулпытасы, казахские и кыргызские тулы, надмогильные столбы сибирских татар. Постулирована возможность генетической преемственности данных сооружений и древнетюркских каменных изваяний.

Ключевые слова: тюрки, изваяния, доисламские представления, доисламские реликты, погребальный обряд, надмогильные сооружения.

<https://doi.org/10.32523/2616-6887/2019-126-1-170-176>

Погребально-поминальный обрядовый комплекс является одним из наиболее консервативных в системе обрядов любой культуры. Известно, что в погребально-поминальном обряде ряда современных тюркских народов присутствуют древние элементы, дошедшие из доисламского периода. В рамках данной статьи мы попытаемся выявить возможность проявления древнетюркского обычая установки каменных изваяний у тюркских народов в период этнографической современности.

Древнетюркские каменные изваяния VI-VIII в. чаще всего изображают мужчин с оружием на поясе и сосудом в правой руке. Эти три элемента (пиршественная чаша, пояс и оружие) являются маркировкой эра – воина. В историографии данного вопроса можно выделить две основные точки зрения по поводу семантики данного типа изваяний. Первая из них основывалась на утверждении, что древнетюркские каменные изваяния изображают убитых покойником врагов. Второе постулирует утверждение, что данные изваяния изображают самого покойного. Помимо прочих доводов, обе стороны по-своему анализировали известный отрывок из китайской хроники VII в. Суйшу: «В день похорон, так же, как и в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезают лица. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи» [1, с. 190].

В результате достаточно длительной дискуссии, мнение большинства ученых склонилось к тому, что древнетюркские каменные изваяния, как часть -погребально-поминального комплекса, изображают самого покойного [2, с. 27-39; 3, с. 36-37; 4, с. 242].

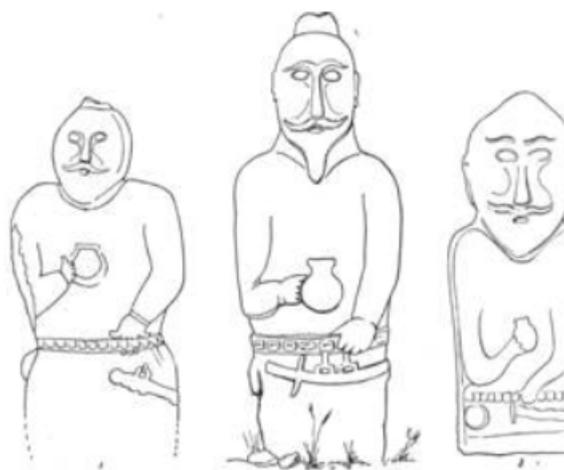

Рисунок 1. Древнетюркское каменное изваяние
из урочища Кулада, Алтай [5, с. 73]

Древнетюркские изваяния устанавливались у ритуальных прямоугольных оград, с восточной стороны и лицом на восток. В эту же сторону отходили ряды вертикальных балбалов. Исследователи отмечают, что встречаются и более сложные комплексы, которые состоят из двух или нескольких оградок.

Несмотря на то, что до нас дошли, по объективным причинам, в основном каменные изваяния, ряд исследователей предполагает, что устанавливались так же и деревянные. Возможно также, что изначально фигуры сопровождали каждую оградку, однако далеко не все из них сохранились в настоящее время [4, с. 242].

Цитируемая ранее китайская хроника гласит также: «Умершего весной и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего осенью или зимою хоронят, когда цветы начинают разворачиваться» [1, с. 190]. Это замечание показывает, что между смертью человека и его захоронением у древних тюрков могло пройти какое-то, иной раз, достаточно длительное время. При этом актуальным становится вопрос сохранения внешнего облика покойного для совершения необходимых ритуалов и обрядов [4, с. 245-246].

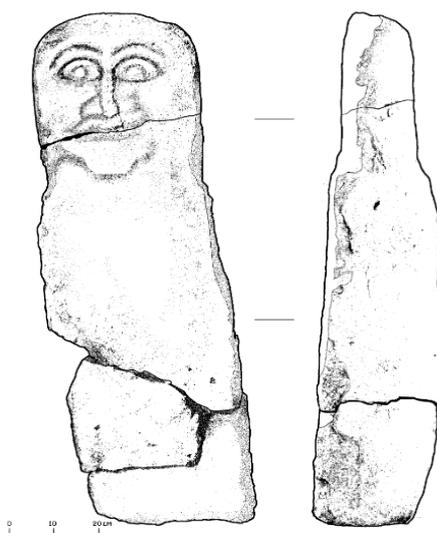

Рисунок 2. Древнетюркское каменное изваяние (Жаксынський район, Акмолинская обл.)

Традиция установки изваяний продолжилась и в более позднее время. Исследовано большое количество антропоморфных кыпчакских изваяний IX – XIII вв., распространенных

на значительной территории Евразии. В частности, С.А. Плетневой уже к началу 1970-х гг. были собраны сведения о 1323 кыпчакских/половецких изваяниях [5]. С.А. Плетнева полагает, что половецкие изваяния являлись свидетельством семейно-родового культа предков, постепенно модифицировавшегося в культ предков-вождей. При этом она высказывает предположение, основанное на записках Г. Рубрука, что наряду с элитарными каменными изваяниями могли иметь место войлочные изображения предков в юртах бедных общинников [6, с. 76].

В период этнографической современности также можно зафиксировать традиции установки поминальных сооружений, имеющих антропоморфный характер. Так, например, у казахов XIX в. зафиксирован обычай установки тула – символического изображения умершего. По сообщению Г.И. Спасского: «По окончании похорон внутри юрты ставят болвана, наряженного в лучшее платье и имеющего сверх него панцирь или кольчугу, а на голове шлем. Пред сим болваном мать, жены и дочери покойного, кроме мужчин, каждое утро и вечер при захождении солнца, стоя на коленях, оплакивают покойника, вспоминая и восхваляя добродетели его, храбрость» [7, с. 162-163].

Анализируя источники, А.Т. Толеубаев сообщает, что данный обычай у казахов изживает себя уже к концу XIX в., однако не исчезает, а трансформируется. Вместо того чтобы изготавливать тул, казахи использовали личные вещи покойного, которые развешивались в юрте, и являлись как бы вместилищем его души [8, с. 106-107].

Обычай изготавливать тул известен также у кыргызов, у которых он сохранился несколько дольше, чем у казахов. Тул у кыргызов мог быть полностью антропоморфным, в виде деревянной куклы с руками, ногами и головой, на которую надевали одежду покойника. В процессе перекочевки тул сажали на лошадь умершего, которую вела его вдова. Другой вид тула представлял собой шести с привязанными траурными флагами, к которым прибавались поперечные планки. На эти планки также надевалась одежда умершего. Тул устанавливался на определенный срок, от 7-10 дней до года. По истечении этого срока тул разламывался и бросался в могилу либо сжигался вместе с одеждой вдовы. Данный элемент уже почти исчезал в первой трети XX в. [9, с. 64]

Еще один элемент поминально-погребальной обрядности, который представляется трансформировавшимся обычаем установки антропоморфных скульптур – это целый ряд различных намогильных сооружений.

Так, например, у сибирских татар зафиксированы орнаментированные деревянные столбы (багам, баган, орна) высотой 1,8-3,5 м, устанавливаемые на кладбищах. Верхняя часть таких столбов покрывается резным призматическим, коническим, сферическим и овоидным орнаментом. Часто такой столб увенчан полумесяцем. Последняя деталь говорит о синкретизме доисламских и исламских представлений. Однако известно, что для таких столбов характерен половой диморфизм. К примеру, столбы в память о мужчине имели остроконечную вершину, в память о женщине же увенчивались гребнем. Отмечается также, что в XIX в. столб нередко увенчивался чалмой. Эти элементы, гребни и чалмы сверху, подчеркивают, что «генетический предок» таких столбов имел антропоморфный характер.

Следует отметить, что исследователи, в частности А.Г. Селезнев и И.А. Селезнева, трактуют намогильные столбы сибирских татар несколько иначе, в частности, ассоциируют их с мировым деревом и коновязью, которая, в свою очередь, также традиционно ассоциируется с мировым деревом [9]. Однако, как нам кажется, головной убор в качестве навершия, замененный впоследствии полумесяцем позволяет предположить элемент антропоморфности.

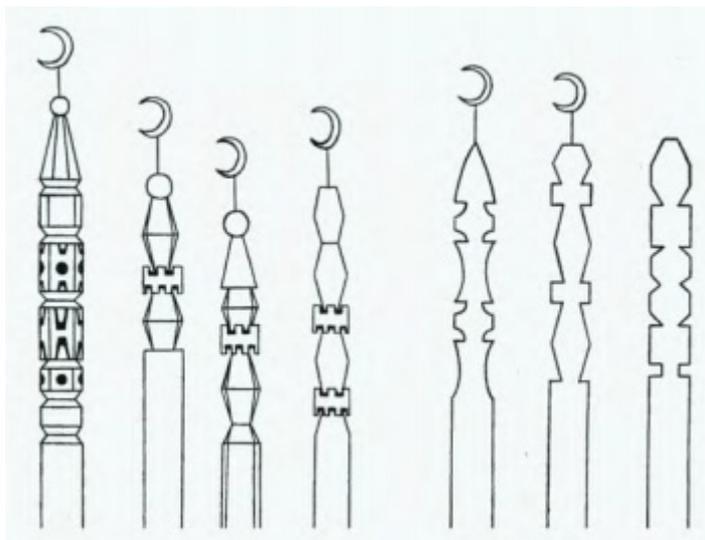

Рисунок 3. Типы надмогильных столбов тобольских татар. По А.Г. Селезневу, И.А. Селезневой [10, с. 64]

О существовавшем некогда у башкир обычае ставить каменные изваяния һынташ для того, чтобы сохранить облик покойного говорит и М.Н. Сулейманова [11, с. 43]. Каменные сооружения в виде стилизованных изображений человеческого тела были обнаружены на старых башкирских кладбищах.

У казахов до настоящего времени сохранился обычай установки кулпытасов. Ряд деталей позволяет сделать вывод об их изначальной антропоморфности. В целом, сейчас казахские кулпытасы не обязательно имеют антропоморфный характер, однако традиционная их форма позволяет сделать вывод о них.

Рисунок 4. Надмогильные камни казахского кладбища Караоткель, г. Астана

Отдельный интерес представляют кулпытасы Западного Казахстана. С.Е. Ажигали разработал широкую и подробную классификацию стел Арало-Каспийского региона, при этом отдельно выделяя разряд антропоморфных стел, некоторые из которых могут быть датированы очень поздно – второй половиной XIX в. [12, с. 331-333]. Данный исследователь справедливо подчеркивает, что округлое навершие стелы не делает её априорно антропоморфной. Однако отметим, что значительное разнообразие форм западно-казахстанских кулпытасов теоретически может говорить об изначально разной семантике

объектов, объединенных в данный тип. Таким образом, отдельные разряды кулпытасов данного региона имеют семантику, связанную с коновязью и, опосредованно, с мировым деревом. Другие же, совершенно другой формы, антропоморфны и генетически связаны с тюркским обычаем установки человеческих фигур.

Рисунок 5. Различные типы кулпытасов Западного Казахстана по С.Е. Ажигали [12, с. 320 – 334]

Таким образом, предварительно можно сказать, что данный элемент погребально-поминальной обрядности имеет корни в раннем железном веке. В древнетюркское время (VI – IX вв.) он оформляется в практику скульптурного изображения умершего и в более поздние периоды переживает ряд трансформаций. В кыпчакское время (IX – XIII вв.) скульптурные изображения умерших представителей элиты были достаточно широко распространены, но практически исчезают в период монгольских завоеваний и в более позднее время. Очевидно, что ключевым фактором здесь стало распространение ислама, с его запретом на изображения людей и идолопоклонничество. Однако традиция не исчезла, но лишь трансформировалась. В частности, надмогильные камни (сынтас, кулпытас) стали более стилизованными, однако до сих пор имеют отдаленно антропоморфные черты. Трансформации подверглись и представления самих носителей культуры. Древние представления слились с мусульманскими, образуя некий синкретизм, неоднократно подчеркивавшийся исследователями.

Процесс трансформации культуры в целом не прерывался, однако можно выделить некие хронологические узловые точки, когда появлялись новые факторы, влияющие на него. В частности, в кыпчакский период каменные изваяния становятся атрибутом культа вождя-предка, а в золотордынское время под влиянием ислама происходит стилизация и упрощение фигур. Следующими ключевыми точками можно назвать всплеск исламизации в XIX в. и модернизацию и советизацию в XX в., когда очень многие традиционные элементы начинают отмирать.

Список литературы

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л.: АН СССР, Институт этнографии им. Миклухо-Маклая. – 1950. – 656 с.
2. Кызласов Л.Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // Советская Археология. – 1964. – №2. – С. 27-39.
3. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: МГУ, 1969. – 212 с.
4. Савинов Д.Г. Антропоморфные изваяния и вопрос о ранних тюрко-киргызских связях // Тюркологический сборник 1977. – 1981. – С. 232 – 248.
5. Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА № 24. Материалы и исследования по археологии Сибири. -1952. – Т. 1.- С. 72-120.
6. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // Свод археологических источников. Вып. Е4-02. – М.: «Наука», 1974. – 200 с.
7. Спасский Г.И. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды. // Сибирский вестник. – 1820. – С. 162-163.
8. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX в.). -Алма-Ата: «ҒЫЛЫМ», 1991. – 214 с.
9. Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. – Фрунзе: «Илим», 1972. – 168 с.
10. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. – 72 с.
11. Сулейманова М.Н. Доисламские верования и обряды башкир: Монография. - Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 146 с.
12. Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). - Алматы: «ҒЫЛЫМ», 2002. – 654 с.

М.С. Калдыбаев

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Түркі халықтарының жерлеу және мемориалдық ғимараттарының антропоморфизмі

Аннотация. Зерттеу нысаны осы мақалада ортағасырлық және жаңа уақыт түркі халықтарының жерлеу және мемориалдық ғимараттары. Ежелгі түрік антропоморфтік мүсіндердің құрылысын дәстүрге айналдыру мәселесі зерттелді. Ежелгі түрік тас мүсіндері қазіргі уақытта зерттеушілермен салыстырмалы түрде жақсы зерттелген танымал феномен болып табылады. Ежелгі түрік антропоморфтік мүсіндер (VI-IX ғғ.), Қыпшақ мүсіні (X-XIII ғғ.) семантикасының мәселесі қозғалды. Кейінгі кезеңдерде исламның ықпалымен бұл дәстүр аяқталады. Жұмыстың мақсаты - осы дәстүрдің соңғы ортағасырлардағы және жаңа уақыттардағы көріністерін анықтау. Осы мақсатта қазақтар, қырғыздар, сібір татарлары құрылымдарының кейбір түрлері талданды. Атап айтқанда, қазақ құлпытастары, сібір татарларының қабірлері т.б. Осы құрылымдардың және көне түрік тас мүсіндерінің генетикалық сабақтастығы мүмкіндіктері жасалды.

Түйін сөздер: Түріктер, мүсіндер, исламалдындағы көзқарастар, исламалдындағы реликтілер, жерлеу рәсімдері, тас мүсіндері.

M.S. Kaldybayev

L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Anthropomorphism of memorial structures of Turkic peoples

Abstract. The object of research in this article is the burial and memorial buildings of the Turkic peoples of the Middle Ages and the new time. The question of the transformation of the tradition of the construction of ancient Tur-

anic anthropomorphic sculptures is investigated. Ancient Turkic stone sculptures are a fairly well-known phenomenon, currently relatively well studied by researchers. The problem of the semantics of ancient Turkic anthropomorphic sculptures (VI - IX centuries), Kypchak sculpture (X - XIII centuries) is touched upon. In later periods, under the influence of Islam, this tradition ceases to exist. The purpose of the work is to identify the possible manifestations of this tradition in the late Middle Ages and in the new time. Within the framework of this goal, some types of structures of Kazakhs, Kyrgyz, Siberian Tatars were analyzed. In particular, the Kazakh kulpytas, the Kazakh and Kyrgyz tuls etc. The possibility of genetic continuity of these structures and ancient Turkic stone sculptures was postulated.

Key words: Turks, sculptures, pre-Islamic views, pre-Islamic relics, funeral rites, grave structures.

References

1. Bichurin N.Ya. Sbranie svedenij o narodax, obitavshix v Srednej Azii v drevnie vremena [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. (Moscow-Leningrad, 1950)
2. Kyzlasov L.R. O naznachenii drevnetyurkskix kamennyx izvayanij, izobrazhayushhix lyudej [On the appointment of ancient Turkic stone sculptures depicting people], *Sovetskaya Arxeologiya* [Soviet Archeology], **2**, 27-39 (1964).
3. Kyzlasov L.R. Istorija Tuvy v srednie veka [History of Tuva in the Middle Ages]. (MGU, Moscow, 1969)
4. Savinov D.G. Antropomorfnye izvayaniya i vopros o rannix tyurko-kyrgyzskix svyazyax [Anthropomorphic statues and the issue of early Turk-Kyrgyz relations], *Tyurkologicheskij sbornik 1977* [Turkological collection 1977], 232-248(1981).
5. Evtyuxova L.A. Kamennye izvayaniya Yuzhnoj Sibiri i Mongolii [Stone sculptures of South Siberia and Mongolia], *MIA № 24. Materialy i issledovaniya po arxeologii Sibiri* [Materials and research on the archeology of Siberia], **1**, 72-120(1952)
6. Pletneva S.A. Poloveckie kamennye izvayaniya [Polovtsian stone sculptures]. (Nauka, Moscow, 1974)
7. Spasskij G.I. Kirgiz-kajsaki Bolshoj, Srednej i Maloj ordy [Kirghiz Kaisaks of the Great, Medium and Small Horde], *Sibirskij vestnik* [Siberian Bulletin], 162-163 (1820)
8. Toleubaev A.T. Relikty doislamskix verovanij v semejnoy obryadnosti kazaxov (XIX – nachalo XX v.) [Relics of pre-Islamic beliefs in the family rituals of the Kazakhs (XIX - early XX century)]. (Gylym, Alma-Ata, 1991)
9. Bayalieva T.D. Doislamskie verovaniya i ix perezhitki u kirgizov [Pre-Islamic beliefs and their remnants of the Kyrgyz]. (Ilim, Frunze, 1972)
10. Seleznev A.G., Selezneva I.A. Sibirskij islam: regionalnyj variant religioznogo sinkretizma [Siberian Islam: a regional version of religious syncretism]. (Izdatelstvo Instituta arxeologii i etnografii SO RAN, Novosibirsk, 2004)
11. Sulejmanova M.N. Doislamskie verovaniya i obryady bashkir [Pre-Islamic beliefs and ceremonies of the Bashkirs]. (RIO BashGU, Ufa, 2005)
12. Azhigali S.E. Arxitektura kochevnikov – fenomen istorii i kultury Evrazii (pamyatniki Aralo-Kaspijskogo regiona) [The architecture of nomads is a phenomenon of the history and culture of Eurasia (monuments of the Aral-Caspian region)]. (Gylym, Almaty, 2002)

Сведения об авторе:

Калдыбаев М. С. - Магистр археологии и этнологии, докторант, факультет международных отношений, кафедра тюркологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Kaldybayev M. S. - Master of Archeology and Ethnology, Doctoral Student, Department of Turkic Studies, Faculty of International Relations, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.